

А. ДОБРОЛЮБСКИЙ, Л. ПИКАНОВСКАЯ

Археология Джинестры

В последние годы (2013 — 2016) были проведены поисковые археологические осмотры и обследования мыса и пляжа "Ланжерон" в районе дельфинария "Немо", его набережной и других увеселительных заведений, а также склонов Приморского бульвара, на месте создающегося Стамбульского парка. Это делалось с целью выявить, собрать и по возможности зафиксировать имевшиеся здесь археологические остатки перед их окончательным уничтожением повсеместными строительными работами, ведущимися на этих участках.

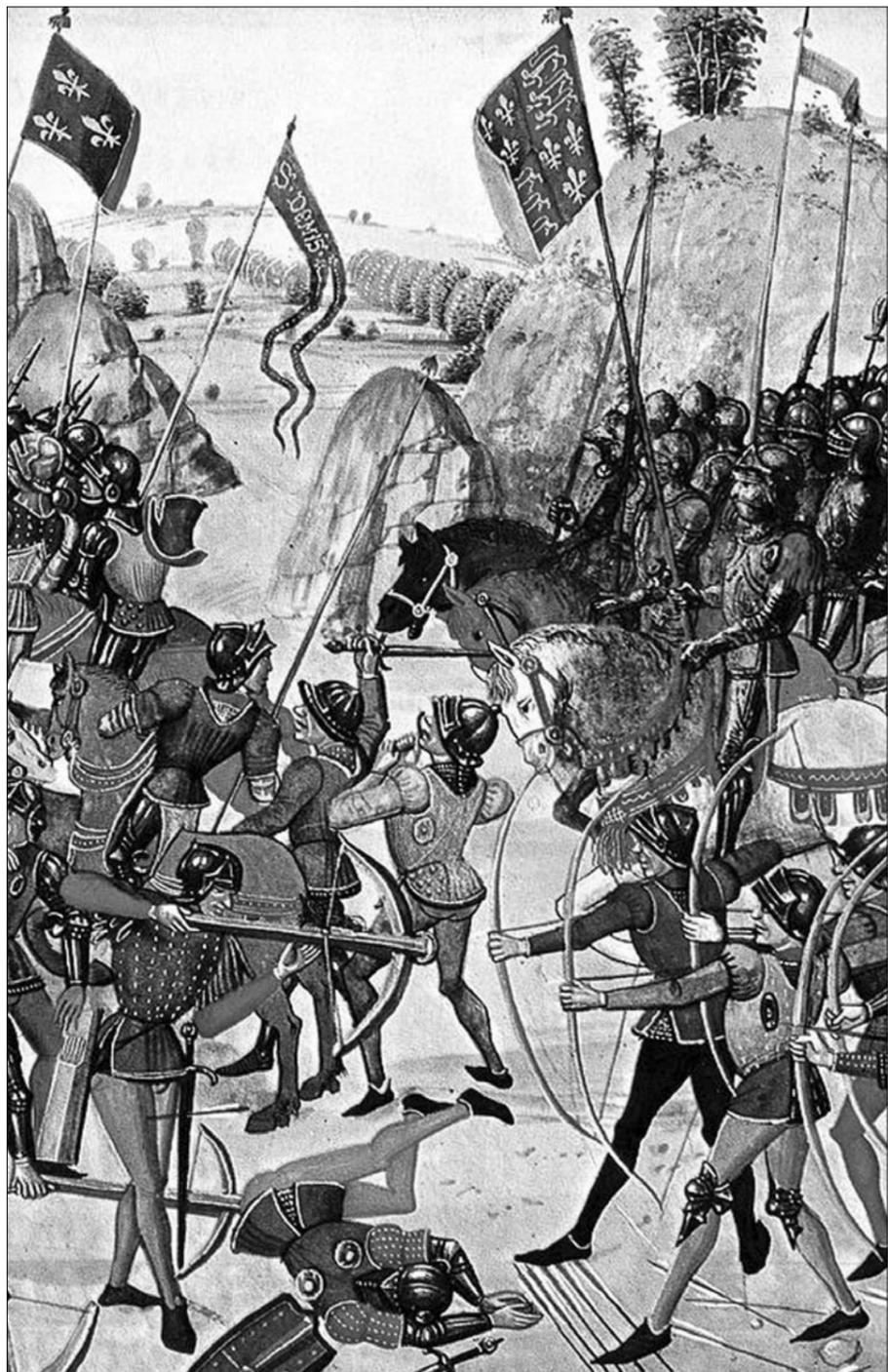
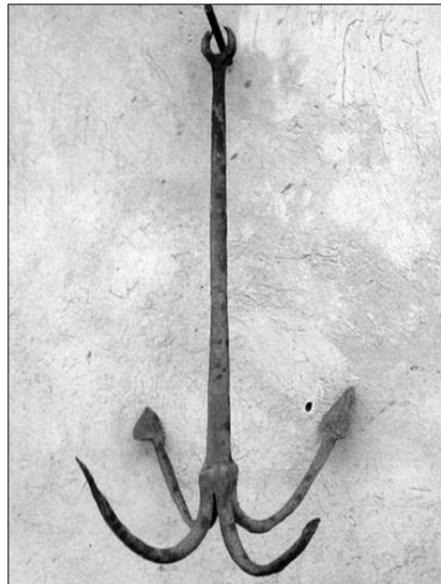
Около половины собранных материалов составили обломки античных сосудов VI — III вв. до н. э. и керамики позднеадриатической эпохи, типов "Изник" и "Кютахья", второй половины XVIII в. Отчетливо выделяются также считанные индикативные фрагменты посуды римского времени (первые века н. э.). Не меньшую часть нашей коллекции образовали фрагменты не слишком выразительной, а потому трудно определяемой красно- и желтоглиняной неполивной керамики, которая, по предварительным оценкам, датируется достаточно широко: X — XV вв. Она условно именуется "керамикой византийского круга". Между тем обнаружены и внятно датируемые экземпляры — это осколок импортного расписного глазурированного (так наз. "люстрового") сосуда иранского производства середины XIV в., а также несколько десятков обломков золотоордынской керамики первой половины того же столетия. Среди них — окатанные в море, но отчетливо определяемые фрагменты мисок, тарелок и кувшинов с желтой, зеленой, бирюзовой и коричневой поливой, часто на ангобной подгрунтовке. Встречены и остатки так наз. кашинной керамики (изготовленной из смеси песка с известью). Сходная посуда известна на памятниках Старый Орхей и Костешты. Она уверенно относится исследователями к расцвету Золотой Орды, к ее "золотой эре" — времени правления ханов Узбека и Джанибека, вплоть до чумной пандемии 1348 г. и "Великой замятни" (с 1359 г.).

Не менее убедительно описанная керамика хронологически соотносится со временем бытования на нынешнем одесском побережье небольшой итальянской фактории, которая на румбовых картах XIV — XV вв. именуется Джинестрой. По историческим сведениям и соображениям, эта фактория могла здесь возникнуть после Нимфейского договора 1261 г. И периодически существовать вплоть до конца XV ст. Наши находки, по всей видимости, отмечают период ее особенно активного функционирования и расцвета. Видимо, Джинестра тогда играла немалую роль в торговле "Генуэзской Газарии" с Золотой Ордой на крайнем западном причерноморском участке Великого Шелкового пути. Об этом так-

же свидетельствует группа погребальных памятников кочевой знати XIV в. близ Одессы — захоронения монгольских всадников, охранявших торговые караваны. Они датируются монетами ханов Тулабуги (1287 — 1290 гг.), Токты (1291 — 1313 гг.) и Узбека (1313 — 1337 гг.).

Ранее при раскопках у Воронцовского дворца были найдены фрагменты так называемой красно-желто-ленточной керамики, которые датируются второй половиной XIV в. Подобные находки были сделаны и в Карантинной балке. Такая посуда также известна на средневековых памятниках Молдовы и в Белгороде. Это может означать, что уже тогда здесь действительно находился небольшой ордынский поселок, так наз. орду-базар, культурные остатки которого, видимо, были уничтожены позднейшим строительством.

Это не удивительно. Известно, что если орда кочевников регулярно останавливается в каком-либо месте, то там сразу же образуется базар. Тесная связь между ордой и базаром породила явление и соответствующий термин "орду-базар" — военный, походный базар (ordu + bazar). Такой поселок вполне мог находиться здесь, близ Джинестры, в качестве ее торгового "партнера". Подобная практика кондоминиума широко использовалась во взаимоотношениях ордынских улусов с генуэзцами и венецианцами. Она же была унаследована от Орды в XV в. литовскими князьями и магнатами, которые, "заглатывая" отдельные ордынские улусы целиком, постепенно овладели к тому времени причерноморским побережьем.

Вадим ЧИРКОВ

Мне бы только глоток...

Окно дядимишиной комнаты выходит в маленький дворик, почти на середине его стоит высокий платан, идет дождь, мы слышим, как капли барабанят по прошлогодней листве под ним, чуть накрытой снегом. В кухне гремит посудой тетя Мария, готова обед. Внук Кирилл в школе. Мы затронули с пяток тем, но ни одна из них не "заиграла". И вдруг дядя Миша словно бы услышал какой-то звук вдалеке — он повернул голову, прислушался. Наморщил лоб.

— Нет, показалось.
— Что, дядя Миша?
— Вроде была знакомая песня... В доме еще несколько наших, — вдруг он встрепенулся. — Я вам еще не рассказывал о своем бизнесе?
— ?!
— Серьезно. Хотите послушать?
— Конечно, дядя Миша!
— Все наши, — устраиваясь поудобнее, начал старик, — приезжая сюда, думают о бизнесе. Такой здесь кураж. И нет человека, который бы ему не поддавался, который бы себя к бизнесу не примерил.
— Неужели и вы, дядя Миша?
— Я же сказал: кураж. Он вскружит голову любому. И совсем, между прочим, не обязательно братья-таки за бизнес, можно только некоторое время думать: "Интересно, а я бы смог, как все, сыграть в эти игры? Моя голова еще на что-то кроме домино способна? Мож-

но ли, имея голову, втиснуться в тесный ряд лавочек на Брайтоне?"

Чтобы в него втиснуться, нужны две вещи — деньги и смекалка.

Деньги — понятно, зачем, а смекалка нужна, чтобы придумать небывалый товар. Тот товар, которого нет еще на Брайтоне.

Но на Брайтоне есть все, даже японские мечи и старинные пистолеты.

И все-таки, думаю я, чего-то в нем нет. Не может быть, чтобы чего-то здесь не хватало! Ну-ка, извилины. Ну-ка, ну-ка!..

Я копался в своей голове, как пожилая женщина копается в шкатулке, где она хранит накопленные за жизнь пуговицы, отыскивая единственную мне нужную.

Неожиданно на самом дне шкатулки блеснула та, единственная. Мне вспомнился... день рождения Леонида Утесова, его 70-летие.

Помните, что подарили одесситы Утесову на юбилей? Они пошли в переулочек, где он родился, остановились у его дома, открыли большую бутылку с вакуумом, сделанным в заводской лаборатории, набрали воздуха из его переулочка, хорошенько заткнули и послали бутылку в Москву! Вот это был подарок!

— Так, так, — сказал я (я, честно говоря, подумал, что дядя Миша просто съехал на другую тему и не заметил этого), так, так... Где же тут бизнес?

— Он запрятан в самой глубине. Вы его еще не заметили?

Я помотал головой.

Дядя Миша бросил на меня быстрый взгляд.

— Так, так, — повторил он мое недоверие, — так, так... Слушайте же! Я завожу собственное дело. Я открываю магазин. Для начала — лавку. Над ней вывеска: "Тот самый глоток". Или другой. Я еще не придумал.

Кто-то заходит и видит меня, за моей спиной — полки, а на полках, как в хорошем баре, хорошо заткнутые красивые бутылки, флаконы, склянки с наклейками: "С Дерibasовской", "Из "Гамбринуса", "С Соборной", "С Приморского бульвара", "Из аптеки Гаевского", "Со Степовой", "С Мясоедовской", "С "Привоза", "С Ланжерона", "Пересыпь", "Тираспольская площадь", "Морской вокзал", "Аркадия"...

Покупатель читает наклейки, читает — как путешественник.

— Без обмана? — не верит.

— Какой обман?! Попробуйте — убедитесь, — отвечаю.

Он показывает на флакон "С 91-й ступеньки Потемкинской лестницы". Объясняет:

— Я когда-то — очень-очень давно — начал на этой ступеньке свидание. Это имело особый смысл...

Вытаскивает пробку, подносит флакон ко рту, глубоко вдыхает.

— О-ох!.. Я стоял, — продолжает рассказывать, — на девяносто первой, а она спускалась ко мне. Тогда в моде были юбки-колокола. И ко-

локол, когда она спускалась ко мне, раскачивалась. Колокол, колокольчик, колоколенка, колелка, другая, мелькают под колоколом... Постойте, да это не воздух во флаконе, а прямо-таки вино! Я не отравлюсь? Да, так она спускалась ко мне, не торопясь, до моря была чуть не сотня ступенек. Я не сводил с нее глаз. Слушайте, я снова ее вижу! И колокол, и колелки. Она смеется! В левой ее руке сумочка, а в правой — цветок. Она все ближе, ближе... "Что это за цветок?" "Какой-то чудак подарил". "Выбрось его". "И не подумаю". Мы беремся за руки и поднимаемся к Дюку, на Приморский, на скамейку. И она не спрашивает, для чего она спускалась на девяносто первую, потому что на ней была юбка-колокол, а эта юбка особенно хороша на лестнице, особенно — такой, как Потемкинская... Слушайте, что за чудо вы упрятали в эти склянки?

— А следующий посетитель, — рассказывал о своем бизнесе дядя Миша, — остановит глаза на флаконе из Аркадии. А кто-то спросит, есть ли хоть что-то в моем магазине с улицы Баранова, поближе к номеру 20?..

Старик замолчал. Молчал и я. Капли барабанили по прошлогодним листьям.

— Дядя Миша, — все же решился я через минуты три, — а нет ли у вас случайно глотка вечернего воздуха с 16-й станции Фонтана? С дороги к трамваю? Мне бы только один...

— Приходите в магазин завтра, — ответил старик, — я должен получить посылку.

Нью-Йорк.